

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 304.9

О МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ИНТЕНЦИИ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СОЦИУМОВ¹

ABOUT MODERNIZATION INTENSION OF NORTH CAUCASIAN SOCIETIES

В.П. Гриценко, Т.Ю. Данильченко
V.P. Gritsenko, T.Y. Danilchenko

*Краснодарский государственный университет культуры и искусств,
Россия, 50072, Краснодар, ул. им.40-летия Победы, 33
Krasnodar State University of Culture and Arts, 50072, 33 im. 40 anniversary of the Victory St, Krasnodar, Russia*

E-mail: postmodernist@mail.ru

Аннотация. С философской точки зрения рассматривается и оценивается совокупность аргументов в отношении предпосылок и тенденции северокавказских социумов к модернизации, делается позитивный вывод.

Resume. From the philosophical point of view set of arguments concerning prerequisites and a tendency of North Caucasian societies to modernization is considered and estimated, the positive conclusion is drawn.

Ключевые слова: социумы Северного Кавказа, историческая динамика, модернизация, социально-философская оценка модернизации.

Key words: societies of the North Caucasus, historical dynamics, modernization, social and philosophical assessment of modernization.

Важной проблемой современного исследования Кавказа является вопрос о модернизации северокавказских социумов в российском и глобальном контексте. Современный модернизационный тренд выражается в поиске своей воспроизводственной ниши в сложившейся глобальной и региональной многосубъектной системе взаимодействий. Явно или неявно философской подоплекой такого анализа такого модернизационного тренда экономистами, политологами, социологами, этнологами является формационный или цивилизационный подход. С философской точки зрения также уместна концептуальная стратегическая оценка перспектив и тенденций исторической динамики северокавказских социумов. Она обладает своим достоинством, поскольку носит «глобальный» и сущностный характер. Она всегда рефлексивна, поэтому следует отчетливо зафиксировать ее мировоззренческие и методологические основания. Главная цель статьи – оценить модернизационные интенции северокавказских социумов с социально-философских позиций. Под интенцией в этом случае мы будем понимать смысловую и волевую направленность этих социумов к модернизации.

Поскольку философские рассуждения строятся как метарефлексия, рефлексия второго уровня, то теоретические разработки и обобщения социологов, политологов, экономистов, этнологов по поводу модернизации социумов Северного Кавказа для нас являются лишь исходным материалом для философских размышлений.

¹ Поддержано грантом № 14-13-23008 Российского гуманитарного научного фонда и администрацией Краснодарского края.

В кавказоведении зачастую господствуют традиционные методы: сравнительный, системный, формационный [Волков 2000, 19-21]. В 1990 гг. с формационным стал конкурировать цивилизационный подход. В настоящее время привлекают внимание постмодернистский подход, синергетика [Гриценко, Вакуленко 2012, 33-36], концепция исторических циклов, ситуационный анализ. Мы исходим из положений стадияльной теории цивилизаций [Тоффлер 1999, 6-261], которая рассматривает современное общество как систему, переходящую к постиндустриальному, информационному обществу. Однако глобальная картина также квалифицируется проявлениями неравномерности, наличием неоднородных секторов и социальных структур, неравномерностью и несинхронностью циклов, наличием различного рода лакун и синергетической неопределенности. Постмодернизм порой оказывается не только метафорой, но и характеристикой диверсифицированной, мозаичной картины мира.

Если 30-20 лет назад «традиция» и «новация» четко противопоставлялись, то современная характеристика лежит чаще в плоскости их внутренней неразрывности [Буранчин 2011]. Стало очевидным, что любая традиция существует за счет своей изменчивости и любая новация, чтобы стать нормой, должна превратиться в традицию. Поэтому логично считать, что сущностной задачей модернизации России является ее переход к такой социальной системе, при которой инновационность станет нормой, то есть элементом традиции новой культуры как основы социального воспроизводства.

Критика вестернизации способствовала утверждению мнения о многообразии путей модернизации. Модели неклассических теорий [Устрижицкая 2014, 40-42] выглядят с традиционной точки зрения эклектическими, поскольку допускают национальные особенности как сочетания обычая и нововведения, секулярности в общественной жизни и религиозности в культуре. Но не надо забывать, что в эпоху постмодерна эклектика перешла из маргинальной характеристики в норму.

Некоторые ученые (В. А. Тишков, Э. Паин) отрицательно оценивают историческую динамику северокавказских социумов [Тишков 2001], называют эти социумы традиционными. С этим в определенной мере солидаризируется и официальная оценка, данная региону Д.А. Медведевым в Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 12 ноября 2009 г., где регион был назван как отстающий, дотационный, и выделен затем в самостоятельный округ.

Соотношение «традиции и новации» не так тривиально [Бабинцев, Римский 2013, 18], как писалось об этом ранее и позитивность новации неоднозначна. Обратим внимание на то, что смысл понятия «традиционное» общество уже стал другим, чем 20-30 лет тому назад. Термин «традиционный» многозначен и если северокавказские социумы называют «традиционными», то нужно понимать, что уже не в архаико-патриархальном смысле. Они прошли через горнило модернизации в рамках советской комплексной модернизации. Постсоветские катаклизмы на Северном Кавказе также связаны с переустройством политической системы и общей системы самоорганизации этих социумов. Но это не исключает того, что этническая идентичность, основанная на кровнородственной, семейно-клановой системе отношений является элементом социально-экономической и социально-политической системы этих социумов [Аствацатурова 2011].

Заслуживающей внимания нам представляется позиция тех авторов [Боров 2010, 175-183], которые считают, что интенциональная устремленность северокавказских социумов в течение XX в. в целом была модернизационной, хотя и амбивалентной. Двойственность идентификационной интенции проявлялась в формальной направленности на советскую идентичность и в скрытой ориентации на нетождественную ей этническую идентичность даже к окончанию 1980-х гг. Согласно же официальной идеологической доктрине того времени, в структуре социально-экономической формации этноэкономика не могла играть базисного характера. Между тем, по оценкам некоторых экономистов (В.И. Бутова, В.Г. Игнатова, Ю.С. Колесникова), в этноэкономике северокавказских социумов основная доля используемого сырья производится частным способом, а почти половина населения региона, относимого к категории «экономически неактивного населения», является субъектами этой деятельности, производя 20% продуктов растительного происхождения и до 75% продуктов животноводства [Игнатов, Бутов 2005]. Поэтому социумы Северного Кавказа классифицировались как периферийные или периферийные аграрно-промышленные, аграрные или сырьевые регионы. В то же время, не в полной мере учитывалось сложившееся разделение труда внутри СССР, которое обеспечивало этим социумам интегрированность в единый народнохозяйственный комплекс.

Социально-философская оценка адекватна лишь по меркам всемирно-исторической динамики основных субъектов социально-исторического процесса. Поэтому проецирование ее на макро- и микросоциумы требует соответствующих поправок, что многие авторы забывают делать. Субъекты истории региона Северного Кавказа закономерно эволюционировали к социализму и коммунизму в рамках «семьи советских народов» на основе использования исторического опыта индустриально продвинутых районов и были включены в общий процесс цивилизационной модернизации.

Рассмотрим современные социально-философские оценки социально-исторической динамики России и северокавказских социумов в связи с задачами модернизации. В 1990–2000 гг. все более актуализировались концепции циклической динамики [Розов 2011]. Заслуживает внимания междисциплинарный анализ циклов исторической динамики, проведенный новосибирским профессором Н.С. Розовым, который оценивает циклическую динамику России в двух основных вариантах [Розов 2011, 142–143]: долгие циклы мобилизации, в которых доминирует «государственный успех» (И. Грозный, Петр I, Сталин) и краткие циклы, где интегральный показатель – «свобода как защищенность». С точки зрения либеральной позиции автора, позитивные реформы характеризуются экономической, политической и социальной либерализацией (политика Временного правительства (1917), НЭП (1922–1927), хрущевская оттепель (1956–1968), перестройка 1988, а реформы и действия Петр I или Сталина – контрпродуктивны. По его мнению, всемирно-историческая динамика России реализуется в виде маятниковых и циклических колебаний в сторону государственности или либерализации.

Оценим социально-политическую и экономическую динамику северокавказских социумов.

В аналитическом докладе Центра политических технологий (2011 г.) о социально-политической системе и модернизации на Северном Кавказе [10], справедливо отмечена двойственная динамика в рамках исторического процесса. Эта же амбивалентность наблюдалась и в советский период. По большому счету, она коррелятивна противоречивости модернизационных реформ в России в целом. Действительно, в целом политические процессы в республиках Северокавказского региона подвержены демократизации, например, политическая конкуренция элит, партий, персон возрастает. Но растет и количество нарушений, есть множество искажений. Однако общий конкурентный накал региона высок. Мы допускаем, что в силу особенностей национального характера и «кавказского темперамента» этот накал выше и непримиримей, чем в других регионах России. Однако не всегда эта пассионарная энергия реализуется в рамках легальных демократических процедур и проявляется в форме межклановых, межэтнических, межконфессиональных противоречий и экстремизма. Вместе с тем растет и массовое обращение граждан по поводу нарушений, развивается правозащитное движение, все более полноценным становится разделение властей. В то же время, еще значителен паразитический бюрократизм, слой чиновничества слишком широк и чиновничество часто оценивается как главный тормоз модернизации.

Специфические атрибуты политической системы северокавказских социумов определяются значительным влиянием межэтнических и клановых субэтнических отношений в купе с внутриисламской конфронтацией. Это сильно затрудняет процессы развития более качественной политической системы. Тем не менее, социумы Северного Кавказа, несмотря на новый рост влияния ислама и тенденцию ретрадиционализации, уже прошли исторический этап советской модернизации с ее индустриализацией, урбанизацией и секуляризацией и продолжают свою специфическую затяжную модернизацию. Монополизация политической сферы отдельными элитами, манипуляции с партиями, клановость и кумовство во власти и бизнесе, разрыв между политической элитой и обществом, коррумпированность общественных и политических структур, низкое качество образования, – все это характерно не только для социумов Северного Кавказа, но и для политической системы России в целом. На Северном Кавказе отдельные характеристики выглядят рельефнее, учитывая социальный темперамент этносов региона и их плотное расселение. Но это частности. В целом, нелогично отрицать сходство ситуации модернизации Северного Кавказа и общей тенденции общероссийской социально-исторической динамики.

Урбанизация еще не стала абсолютной доминантой региона, а удельный вес сельских жителей велик. Поскольку с 1940 г. численность коренного населения северокавказских социумов удвоилась, то это привело к обострению лимитирующих факторов, особенно – недостатка земли. При этом интенсивно развиваются миграционные процессы, растет сезонная миграция, изменилось отношение к социальным лифтам, захваченная социальной динамикой

инфообщества молодежь стремится в мегаполисы. Мы считаем, что эти тенденции можно рассматривать как тренд в сторону модернизации. Модернизации должны быть подвержены как социальная структура, так и идеология, так как современный социальный порядок содержит высокий удельный вес теневых экономических и финансовых отношений и криминализации. Роль малого бизнеса и свобода предпринимательства как атрибуты инновационного потенциала также пока слабы и отстают от среднероссийского уровня.

Экономический базис северокавказских социумов в виде этноэкономики оказался относительно автономен как по отношению к советской, так и по отношению к российской рыночной системе. Он комбинирован из элементов «официальной экономики», «рыночной экономики» и «этноэкономики». Надо также понимать, что современная модернизация – это не просто индустриализация, но это и внедрение малой механизации, информатизации (интернет) в любой, в том числе и в аграрный бизнес. Д. Соколов перспективной называет «очаговую модернизацию» [11; 13], под которой понимается товарное производство «на экспорт», осуществляемое множеством компактно взаимосвязанных производителей. Инновационному развитию региона могут способствовать идеи, увязывающие микро- и макросубъектов и факторы экономики, а также рассматривающие экономический фактор в культурно-цивилизационном контексте.

Нам импонирует точка зрения И.В. Стародубовской [12], которая считает неверной традиционную оценку Северокавказского федерального округа как абсолютно депрессивного региона с тотальной бедностью, повсеместной безработицей, отсутствием инвесторов. Согласно ее оценкам Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия и Ставропольский край не являются застойными территориями: от приусадебного хозяйства северокавказская семья за сезон выручает значительные средства. Молодое поколение северокавказских городов практически полностью получает высшее образование и является носителем модернистских и постиндустриальных притязаний, что доказывает наличие продвинутой креативной субкультуры. Однако есть ли у нее возможность реализации этих притязаний в регионе? По оценке И.В. Стародубовской, проблема не столько в безработице (так как в агропромышленности вакансий хватает, а молодежь устремляется в мегаполисы), сколько в дефиците социальных лифтов. Тейпово-клановые препоны ограничивают тенденции сдвига к инновационному социуму. Поскольку основная доля выпускников сельских школ тоже стремится в города, то построение инновационной среды для адаптации молодежи к городским ценностям является первостепенным фактором модернизации традиционного социума. Если вспомнить место молодежи в оранжевых революциях Востока, Украины, то эта задача актуализируется еще в большей мере. Поэтому инвестиционные стратегии региона следует ориентировать на создание адекватной интересам молодежи креативной среды.

Непосредственное отношение к инновационному процессу имеет состояние науки. Научная сфера на Северном Кавказе развита неравномерно: в целом лидерами считаются Дагестан и Северная Осетия. В области технологических изобретений и внедрения, фиксируемых выдачей патентов, лидирует Дагестан, а показатель инновационной активности организаций во всех республиках Северного Кавказа ниже среднероссийских. Однако в связи с этой статистикой мы не делали бы односторонней оценки об отсутствии инновационного потенциала этих социумов. Мы сделали бы другой вывод, заключающийся в том, что инновационный тренд северокавказских социумов лежит в своеобразной специфической сфере. Часто это такие виды деятельности как спорт, курорты, туризм, ремесло, строительство, производство экологически чистых продуктов питания. Во многих случаях модернизация заключается не в изобретении собственных технологий, а в заимствовании мирового опыта.

Самой проблематичной является оценка культурного потенциала модернизации. В этой области чаще всего высказываются наименее оптимистичные оценки, поскольку культурный тренд характеризуют как ретрадиционализацию. Однако мы считаем, что развитие ислама само по себе не является аргументом против модернизации, на основании того, что модель просвещенческой и индустриальной модернизации в Западной Европе была связана с секуляризацией. Для страны первого эшелона модернизации была характерна секуляризация, современные технологии заимствования используют и авторитарно-религиозные режимы. В настоящее время тренд модернизации на Северном Кавказе сочетается с ростом религиозности: это или развитие конформного традиционного сознания, или рост фундаменталистского сознания. Модернизация развивается через борьбу межконфессиональных и внутриконфессиональных противоположностей, своеобразно кодирующих социальные и культурные тенденции преобразований и модернизации в культуре. Иногда эта борьба приобретает форму

войны, которая расчищает дорогу модернизации. Уровень секуляризации, по экспертным оценкам, выше в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, но и в этих регионах ислам и традиционализм стали духовным трендом. Также как в Саудовской Аравии или некоторых других странах Азии, модернизационный тренд в современных северокавказских социумах отличен от классического западного пути. Модернизация идет как бы альтернативным классической модели способом: технократический тренд осуществляется через использование авторитарных методов управления, а также в контексте ретрадиционализации и роста значения религиозных ценностей ислама.

Таким образом, традиционно ведущей формой интеграции в российской цивилизации выступает государственность, авторитаризм, а ведущим социотипом развития является мобилиционность. Главные архетипические качества, связанные с этими типологическими характеристиками – это этатизм, патернализм, социоцентризм. Эти качества, а также поликонфессиональность и поликультурность в полной мере характерны и для современного Северного Кавказа. Важной особенностью и достоинством российской цивилизации является то, что государственность в ней носит надконфессиональный характер, а культурные архетипы – подконфессиональный. В советское время государство на Северном Кавказе выполняло не только властно-политическую, но и экономическую и социально-благотворительную роль. В постсоветское время в конкуренцию с Федеральным центром в области патернализма вступил ислам как форма глобальной идеологии.

В научной, политической и публицистической литературе существуют пессимистические, оптимистические и амбивалентные оценки модернизационного тренда на Северном Кавказе. С нашей точки зрения, общая тенденция имеет модернизационный характер и определяется ориентацией в продвинутое по меркам глобализации общество. Идеологически это может быть обеспечено оптимальным сочетанием религиозности и светскости. Было бы неверным рассматривать Северный Кавказ как абсолютно уникальный регион, а республики Северного Кавказа как патриархальное традиционное общество. Современность на Северном Кавказе характеризуется как этап догоняющей, конфликтной, затянутой модернизации, опирающейся на авторитаризм и интенсивную конфессионализацию.

Если оценивать модернизационный потенциал региона в целом, то налицо неравномерность частей региона. Очевидно, что успешность общей модернизации зависит от политического процесса. Недостатки модернизационного процесса для северокавказского региона типичны для России в целом: бюрократизм, коррупция, клановость и отсутствие инновационного тренда как ведущего звена, отсутствие постоянных «правил игры» и приоритетов для новационных структур, отсутствие цивилизованной конкуренции. Это можно оценивать как общие «беды» модернизации в России, проявляющиеся на Северном Кавказе со своей этнорегиональной спецификой.

В целом, наша оценка модернизационного тренда северокавказских социумов, несмотря на его внутренне амбивалентную природу, позитивна. Северокавказские социумы имеют в качестве базовой основы модернизации специфическую экономику, содержат в себе большой мобилизационный потенциал, собственные векторы инновационного развития и, к тому же, получают дополнительные финансовые бонусы от Правительства Российской Федерации. Вследствие этого, можно полагать, что многие, а может быть и все из этих социумов, через 10-20 лет окажутся брэндами специфической передовой модернизации в России.

Список литературы References

1. Аствацатурова М. А. Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства). – Монография. – М.: Московское бюро по правам человека. 2011. – 192 с.
Astvatsaturova M. A. Severnyy Kavkaz: perspektivy i riski (Transformatsiya regional'nogo etnopoliticheskogo prostranstva). – Monografiya. – M.: Moskovskoye byuro po pravam cheloveka. 2011. – 192 s.
2. Бабинцев В.П., Римский В.П., Матрица русофобии и ментально антропологические типы русской интеллигенции // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2013. № 8 (151). Выпуск 24. С. 18.
Babintsev V.P., Rimskiy V.P., Matritya rusofobii i mental'no antropologicheskiye tipy russkoy intelligentsii // NAUCHNYE VEDOMOSTI Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2013. № 8 (151). Vypusk 24. S. 18.

3. Боров А.Х. Проблемы социально-культурной модернизации Северного Кавказа: советский опыт. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. №2. 2010. С. 175-183.
Borov A. KH. Problemy sotsial'no-kul'turnoy modernizatsii Severnogo Kavkaza: sovetskiy opyt. // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii na-uk. T. 12. №2. 2010. S. 175-183.
4. Волков Ю.Г. Актуальные проблемы кавказоведения. // Научная мысль Кавказа. 2000. № 2 (22). С. 19-21.
Volkov YU.G. Aktual'nyye problemy kavkazovedeniya. // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2000. № 2 (22). S. 19-21.
5. Гриценко В.П., Вакуленко А.С. Границы применения синергетического метода в социальных науках // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 4. С. 33-36.
Gritsenko V.P., Vakulenko A.S. Granitsy primeneniya sinergeticheskogo metoda v sotsial'nykh naukakh // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2012. № 4. S. 33-36.
- Игнатов В. Г., Бутов В. И. Юг России: научно-методические и информационно-аналитические материалы. Ростов-на-Дону: Изд-во SKAGS, 2005. – 184 с. // URL. <http://refrend.ru/837509.html>
Ignatov V. G., Butov V. I. Yug Rossii: nauchno-metodicheskiye i informatsiono-analiticheskiye materialy. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKAGS, 2005. – 184 s. // URL. <http://refrend.ru/837509.html>
6. Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. // URL. <http://base.garant.ru/196589/#ixzz3ITPZieT>.
Poslaniye Prezidenta RF D. A. Medvedeva Federal'nomu Sobraniyu RF ot 12 no-yabrya 2009 g. // URL. <http://base.garant.ru/196589/#ixzz3ITPZieT>.
7. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий исторической динамики России в XXI веке. // – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 735 с.
Rozov N.S. Koleya i pereval: makrosotsiologicheskiye osnovaniya strategiy istori-cheskoy dinamiki Rossii v KHKHII veke. // – М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklope-diya (ROSSPEN), 2011. – 735 s.
8. Розов Н.С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий исторической динамики России в XXI веке. / Н.С. Розов – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.- С. 142, 143.
Rozov N. S. Koleya i pereval: makrosotsiologicheskiye osnovaniya strategiy istori-cheskoy dinamiki Rossii v KHKHII veke. / N.S. Rozov – М.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011.- S. 142, 143.
9. «Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и перспективы модернизационных процессов». Аналитический доклад Центра политических технологий при грантовой поддержке Общественной палаты (НКО-оператор – Институт общественного проектирования) // URL. http://www.insor-russia.ru/files/SevK_2011.pdf.
«Sovremennaya evolyutsiya politicheskoy sistemy na Severnom Kavkaze i perspekti-vy modernizatsionnykh protsessov». Analiticheskiy doklad Tsentra politicheskikh tekhnologiy pri grantovoy podderzhke Obshchestvennoy palaty (NKO-operator – In-stitut obshchestvennogo proyektirovaniya) // URL. http://www.insor-russia.ru/files/SevK_2011.pdf.
10. Соколов Д.В. Кормление Кавказа или очаговая модернизация // URL. <http://southru.info/1148153734-denis-sokolov-kormlenie-kavkaza-ili-ochagovaya-modernizatsiya.html>.
Sokolov D.V. Kormleniye Kavkaza ili ochagovaya modernizatsiya // URL. <http://southru.info/1148153734-denis-sokolov-kormlenie-kavkaza-ili-ochagovaya-modernizatsiya.html>.
11. Стародубовская И. В. Модернизация на Северном Кавказе: есть ли решение? // «Неприкосновенный запас». 2011. №1 (75). //URL/<http://magazines.russ.ru/nz/2011/1/sa9-pr.html>.
Starodubovskaya I.V. Modernizatsiya na Severnom Kavkaze: yes' li resheniye? // «Neprikosnovennyu zapas». 2011. №1 (75). //URL/<http://magazines.russ.ru/nz/2011/1/sa9-pr.html>.
12. Типшков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука. 2001. 552 с. URL.<http://www.nr2.ru/ekb/329988.html>.
Tishkov V.A. Obshchestvo v voozuzhennom konflikte (etnografiya chechenskooy voyny). M.: Nauka. 2001. 552 s. URL.<http://www.nr2.ru/ekb/329988.html>.
13. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. С. 6-261.
Toffler E. Tre't'ya volna. M.: OOO "Firma "Izdatel'stvo AST", 1999. S. 6-261.
14. Устрижицкая Д.О. О модернизационном потенциале современного российского общества // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 3. С. 40-42.
Ustrizhitskaya D.O. O modernizatsionnom potentsiale sovremennogo rossiyskogo obshchestva // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2014. № 3. S. 40-42.